

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Ответственный за рубрику: *Музыкаева Е.В.*
© Исламоведение. 2024. Т. 15, № 3 (61)

ACADEMIC LIFE
Person in charge of the section: *Muzykina Ye.V.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2024. Vol. 15,
no. 3 (61)

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-3-106-118

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Т. Э. Кафаров*¹

Введение
Некоторые мысли, навеянные
размышлениями о биографии, личности и
становлении ученого
Ислам через призму философского
дискурса
О суфизме и тарикатизме
Вместо заключения

Поступила в редакцию: 28.08.2024
Передана на рецензию: 02.09.2024
Получена рецензия: 23.09.2024
Принята в номер: 24.10.2024

Магомед Абдуллаев: у основания дагестанской философии и исламоведения. Биографический, библиографический и теоретический дискурсы

Дагестанский государственный медицинский университет; kafarov.56@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству одного из авторитетных философов и исламоведов России и Дагестана, доктора философских наук, профессора Магомеда Абдуллаевича Абдуллаева, который недавно покинул этот мир. В статье раскрываются отдельные аспекты философской и исламоведческой рефлексии ученого, чему он посвятил несколько десятков статей и монографий. Не следуя строгим биографическим и библиографическим канонам и не раскрывая содержание его конкретных работ, автор стремился выделить некоторые теоретические и методологические вопросы, значимые для рационального осмысления современного ислама и его комфортного вхождения в мировые культурные и духовные процессы, попытался не просто ретроспективно и хронологически описать биографию и творчество ученого, а актуализировать отдельные моменты из его работ, важные в настоящем и будущем.

Ключевые слова: Абдуллаев М. А., религия, ислам, философия, исламоведение, суфизм, тарикат, мюридизм.

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-3-106-118

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

*T. E. Kafarov*²

Introduction.
Some thoughts inspired by reflections on
the biography, personality and
development of the scholar.
Islam through the prism of philosophical
discourse.
On Sufism and Tariqaism.
Instead of a conclusion.

Received: 28.08.2024
Submitted for review: 02.09.2024
Review received: 23.09.2024
Accepted for publication: 24.10.2024

¹ *Тельман Эмиралиевич Кафаров* – д. филос. н., проф., зав. кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного медицинского университета.

² *Telman Emiralievich Kafarov* – Doctor of Sc. (Philosophy), professor, Head of the Department of Philosophy and Humanities, Dagestan State Medical University.

Magomed Abdullaev: at the Origins of Dagestan Philosophy and Islamic Studies. Biographical, Bibliographic and Theoretical Discourses

Dagestan State Medical University; kafarov.56@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the work of one of the prominent philosophers and Islamic scholars of Dagestan and Russia, Doctor of Philosophy, Professor Magomed Abdullayevich Abdullaev, who passed away recently. Some aspects of the philosophical and Islamic studies reflection of the scholar, to which he devoted several dozens articles and monographs, are revealed. Without following strict biographical and bibliographic canons, and without revealing the content of his specific works, the author sought to highlight some theoretical and methodological issues important for the rational understanding of modern Islam and its comfortable entry into the world cultural and spiritual processes. The author's aim was not just to retrospectively and chronologically describe the biography and work of the scholar, but to actualize some points from his works that are important in the present and future.

Keywords: Abdullaev Magomed Abdullayevich, religion, Islam, philosophy, studies, Sufism, Tariqa, Muridism.

Введение

В возрасте 94 года завершил свой жизненный путь профессор Абдуллаев Магомед Абдуллаевич, ученый, который стоял у самых истоков дагестанской философии и исламоведения. С его кончиной завершилась целая эпоха в становлении региональных философских и религиоведческих наук, их методологии, категориального аппарата и традиций преподавания. Он заложил основы республиканского философского сообщества, являлся почетным председателем республиканского отделения Российского философского общества, о котором сегодня знают в стране и за рубежом.

Некоторые мысли, навеянные размышлениями о биографии, личности и становлении ученого

В древнегреческой культуре была интересная традиция: на надгробных плитах указывать не только годы жизни человека, но и годы «акме», считая это важным для оценки вклада человека. Вспоминая Абдуллаева М. А., возникла мысль: может быть, и нам стоит перенять эту в целом справедливую традицию, чтобы глубже постичь его заслуги.

Акме (др.-греч. *ακμή* – вершина, высшая точка) – термин, выражающий расцвет и достижение зрелости в психосоматическом, физиологическом, социальном, а главное – духовном развитии человека. В прежние времена достижение этого состояния приходилось на 30–40 лет для мужчин, а для женщин – еще раньше. Так, в античной мифологии *акмены* – это юные прекрасные нимфы, обитавшие на Олимпе, которым оказывали всевозможные почести и делали жертвоприношения, поскольку они покровительствовали атлетам, помогая им победить на Олимпийских играх [18, с. 124]. Со временем происходят значительные изменения в человеческом хронотопе, усиливающие дистанцию между биологическим и социальным возрастом человека, в результате чего изменяются сроки достижения и сроки пределов действия этого самого акме. Современная цивилизация также существенно сдвигает границы человеческого акме, подтверждением чего является творчество Абдуллаева, для которого период творческой зрелости значительно превосходит средние показатели, предначертанные классической традицией. Его интенсивная научная, просветительская, педагогическая, общественно-политическая и воспитательная деятельность продолжалась почти 80 (!) лет, конечно, включая крайне раннее учительство, о котором мы скажем ниже. Сколько

лет из них приходится на акме, точно никто не скажет, поскольку нет строгих критериев. В любом случае нам всем только остается мечтать о таком творческом долголетии.

Писать статью об Абдуллаеве М. А., с одной стороны, трудно, а с другой – не очень. В обоих случаях причина одна: ученый прожил долгую, насыщенную событиями жизнь, в которой были и счастливые, и драматические моменты. Он успел отметить несколько юбилеев, а потому о его творчестве написано немало статей в энциклопедических изданиях, отдельных книгах, научных журналах и средствах массовой информации, в том числе и автором данного материала, которому более 20 лет довелось работать на одной кафедре с маститым ученым. При допущении разных оценок творчества и личности профессора Абдуллаева несомненно одно: его необычайное трудолюбие и преданность (на грани фанатизма) избранной стезе. В данной статье мы старались избегать повторений, публицистических повествований, обойти традиционную «дифирамбичность», обычно характерную для подобных публикаций. Кроме того, учитывая редакционный профиль журнала «Исламоведение», из всего огромного массива творческого наследия ученого обратим внимание лишь на некоторые теоретико-методологические вопросы философии религии и ислама, им поднятые или непосредственно вытекающие из его работ.

Абдуллаев М. А. родился 12 ноября 1930 г. в селе Губден Карабудахкентского района Республики Дагестан, которое у нас больше известно набожностью населения, торговыми и предпринимательскими традициями, а также красивыми девушками, нежели своей склонностью к абстрактным философским размышлениям. Можно предположить, что в селе немного тех, кто слышали о Платоне, Канте и Гегеле. После окончания семилетней школы юноше, не достигшему 14 лет, поручили преподавать некоторые предметы в 5–7 классах (время было военное, и всех взрослых учителей мобилизовали на фронт). В 1945 году он поступил в первое дагестанское педучилище в Буйнакске, после окончания которого возобновил работу в Губденской СШ. В 1948 г. Абдуллаев М. А. был избран первым секретарем Сергокалинского РК ВЛКСМ. После окончания исторического факультета Дагестанского педагогического института в 1951 г. работал директором Мюрегинской СШ. В 1952 г. в числе пяти выпускников педагогического института обкомом КПСС был направлен на годичные курсы подготовки преподавателей общественных наук при философском факультете МГУ, где по-настоящему увлекся философией, сдал все кандидатские экзамены и стал соискателем на кафедре истории философии МГУ. После окончания курсов в течение нескольких лет работал инструктором отдела науки и учебных заведений Дагестанского обкома КПСС и преподавал философию в областной партийной школе.

В 1956 г. Абдуллаев М. А. защитил кандидатскую диссертацию и был по конкурсу принят на кафедру философии при Дагестанском государственном университете.

По поводу драматургии вокруг его докторской диссертации по теме «Философская и общественно-политическая мысль народов Дагестана в XIX в.» можно написать детектив. О том, как бюро обкома партии и Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР наложили запрет на монографию «Мыслители Дагестана XIX – начала XX вв.», которая была частью его диссертации, с обвинением в «отступлении от принципа партийности и идеализации досоветского культурного наследия народов Дагестана», как Институт истории и востоковедения АН СССР поддержал автора и добился прекращения гонений, о других препятствиях, которые пришлось преодолеть Абдуллаеву М. А., как состоялась долгожданная защита в Ленинградском государственном университете, – обо всем подробно изложено в монографии о нем, вышедшей в 2023 году [23].

Научное сообщество высоко оценило докторскую диссертацию Магомеда Абдуллаевича. Википедия и другие справочно-энциклопедические издания однозначно

определили ее как одно из первых в республике и на Северном Кавказе серьезных философских, религиоведческих и политологических исследований [13; 14].

Таким образом, Абдуллаев М. А., будучи выпускником непрофильного для философии вуза, в течение весьма короткого времени стал авторитетным ученым-философом. При этом нужно отметить несколько моментов: во-первых, ни в коей мере не умаляя заслуг вуза и всех учителей и наставников, приобщение его к философии и тем более познание им глубин философского дискурса в основном происходило самостоятельно; во-вторых, личные волевые качества и целеустремленность позволили ему постичь высоты этой науки, имеющей древнейшие традиции; в-третьих, из всего сказанного вытекает интересное умозаключение, раскрывающее специфику философии и философствования, на которую не всегда обращают внимание. Чтобы стать современным физиком, необходимо хотя бы окончить физический факультет, математиком – также. Хотя допускаем, что бывают уникамы, опровергающие это. Философия и религиоведение в этом плане относятся к формам неспециализированного знания. Поэтому чтобы достичь глубин философского знания, совсем не обязательно окончить философский факультет МГУ или любой другой данного. Подтверждением этого является достаточно многопрофильный профессиональный состав соответствующих кафедр, где плодотворно трудятся не только выпускники философских факультетов. Достаточно упомянуть известных наших философов Билалова М. И. и Абдулкадырова Ю. Н., которые, не имея базового философского образования, стали признанными специалистами-любимудрами. Успешная деятельность философского дискуссионного клуба «Эпохе» также подтверждает такой статус философии. А если обратиться к выдающимся персоналиям в истории философии, то там вообще трудно найти «чистых» философов. Это обстоятельство позволяет философии, как знания о всеобщем, в полной мере и более эффективно осуществлять свою основную методологическую функцию по отношению к конкретным наукам и культуре в целом.

Ислам через призму философского дискурса

Если одним предложением попытаться выразить главное, что было осуществлено Абдуллаевым в научно-просветительской и педагогической деятельности, то можно сказать, что оно заключалось во всестороннем философском осмыслении исламского мировоззрения и его постулатов через призму конкретно-исторического подхода, без которого нет и не может быть объективной и конструктивной оценки. Такая задача всегда была эвристической и актуальной: и в условиях революционных преобразований, утвердивших известное догматическое отношение к религии через призму атеистического мышления; и при периодических радикальных изменениях политических и идеологических векторов оценки роли религии в обществе в различные периоды истории; и при сложных и противоречивых процессах исламского возрождения в конце второго тысячелетия, породивших острейшие формы религиозно-политического противостояния, особенно на Северном Кавказе. Важность данной задачи сохраняется и в современных условиях: во-первых, когда в целом возрастает социальная роль религии, действующей в синергии с другими идеологическими механизмами, направленными на формирование духовных скрепов для единения страны, всех этносов и конфессий в единую общность; во-вторых, ввиду современной стратегии отказа от крайностей либерализма и европоцентризма, возрождения традиционных социальных, духовных и семейных ценностей, связанных прежде всего с противостоянием с Западом в ходе проведения СВО в Украине; в-третьих, события последнего времени в Дагестане и других регионах показали, что религиозно-политический экстремизм и терроризм, имеющие духовно-конфессиональные корни, не преодолены в полной мере. А значит,

необходимо продолжить работу по формированию социального и конфессионального согласия и толерантности, без которых невозможно формирование общероссийского гражданского патриотизма.

Такая задача философского осмысления ислама важна еще потому, что не секрет, что в общественном сознании обывателя и даже в серьезном аналитическом дискурсе достаточно часто встречается установка на восприятие исламского мировоззрения как догматического вероучения, которое в принципе исключает глубинную рациональную, а значит философскую аргументацию, что уже задается самим переводом слова «ислам», означающим абсолютную, «рабскую» покорность. Поэтому ислам объявляют «абсолютно бессубъектным мировоззрением», что отличает его от христианства и особенно иудаизма [25, с. 199].

Несправедливо в этом плане делать сомнительные и далеко идущие политические выводы, особенно в аналитике современной ситуации на Ближнем Востоке и арабо-израильского противостояния, как это делает, например, Н. М. Ракитянский, утверждающий, что ислам, догматически отвергая личностные и субъектные установки иудаизма и христианства, бессубъектен. Поэтому неудивительно, что маленький, но суперсубъектный Израиль со своими англо-американскими союзниками успешно противостоит огромному, как океан, но аморфному, разобщенному, внутренне конфликтному, а главное – бессубъектному исламскому окружению [26, с. 60–61].

Таким образом, все переворачивается «с ног на голову»: получается, что израильтяне военно-политически превосходят арабов потому, что в основе их идеологии положен «суперсубъектный» иудаизм, тогда как мусульманский мир разъединен в силу абсолютной неконструктивности и бессубъектности исламского вероучения. Ни слова о том, кто поставляет Израилю современное разрушительное оружие, кто обеспечивает информацией и финансами, чьи интересы представлены в Израиле и ряде арабских стран, почему до сих пор не реализовано право палестинцев на свою государственность и почему большинство арабских стран не могут проявить свою субъектность.

Историческая ценность всего того, что было сделано профессором М. А. Абдуллаевым на ниве философской науки, умножается и усиливается тем, что по большому счету в Дагестане и регионе не было собственных серьезных и устойчивых философских традиций. И не надо искать тут чьих-то упущений или стратегических недоработок. Скорее, в этом сказывается особенность исламского менталитета. Не следует забывать, что народы и культуры мусульманского мира, мягко выражаясь, не самые «философские». Точнее, серьезные философские методологические традиции в исламе были характерны для первоначального ислама, были связаны с трудами аль-Газали, аль-Фараби, аль-Бируни, ат-Тирмизи, Ибн Сина, Ибн Рушда и других. Но со временем философские традиции в исламе были ослаблены и даже утрачены. И здесь следует указать на ряд моментов.

Во-первых, ислам – форма универсального мировоззрения, действительного для мусульман всего мира, независимо от других человеческих и социальных измерений, для «всех времен и этносов». Ислам нивелировал многообразную историю и культуру отдельных народов, поместив их в жесткие конфессиональные каноны [17, с. 218]. Поэтому, как отмечал основатель русской востоковедческой исторической школы В. В. Бартольд, из всех религий ислам был менее всего связан с прошлым своего народа и в то же время оказал наиболее прочное влияние на будущность своего народа [12, с. 630]. Получается, что ислам, устранив духовное многообразие и уникальную культуру народов и регионов в пользу конфессионального универсализма, как бы отнял у них историю и собственные философские истоки. Тем самым были существенно ослаблены и утрачены живительные корни, питающие и формирующие уникальные составляющие различных познавательных культур, что не могло не сказаться и на их философских традициях.

Во-вторых, одна из особенностей исламской культуры заключается в том, что человек здесь более «приземлен», то есть он более комфортно ощущает себя в чувственно осязаемом мире, нежели в мире трансцендентных и априорных духовных конструкциях, без чего невозможно никакое философствование. Философия – это прежде всего способность подняться над миром повседневности, до высот чистого сознания, не ограниченных чувственностью. Такая «заземленность» ислама чувствуется на каждом шагу; здесь даже рай имеет более чувственное и осязаемое измерение, где все сделано для наслаждения правоверных: вкусная еда, красивое одеяние и черноокие красавицы для услады. Скажем, в христианстве рай в существенной степени имеет не столько материальное, сколько духовное измерение, связанное с единением с Богом и отсутствием страданий.

В-третьих, как отмечается в литературе, историческая судьба ислама складывалась таким образом, что, будучи вплетенным в ткань повседневной практической деятельности и образ жизни, он значительно в меньшей степени, чем европейское христианство, нуждался в аргументах разума. Поэтому исламскому миру почти незнаком принцип «гармонии веры и разума», столь важный для утверждения католического вероучения в Европе. Не секрет, что воплощение в жизнь этого принципа дало сильный импульс развитию философии томизма, которая в существенной степени способствовала сохранению авторитета христианства.

В-четвертых, как известно, ислам в прошлом непрерывно расширял и углублял свое культурное влияние в мире через гибкую военно-политическую стратегию и практику, нежели через духовную экспансию и миссионерство, которого у мусульман почти не было. Он также не переживал серьезных периодов упадка и кризиса, сопровождающихся ослаблением авторитета веры и массовым отказом от вероучения, что традиционно дает импульс развитию философской умозрительной аргументации, схоластики, подчиняющей философию религии, знакомой нам по трудам Августина, Фомы Аквинского, Ансельма Кентерберийского, с их «доказательствами» бытия Бога и других.

В пятых, причиной отсутствия в исламе устойчивых философских традиций является неразвитость в исламском мире рабовладельческих отношений, где классовая поляризация, а значит и разделение умственного и физического труда происходили наиболее основательно. История древнегреческого мира убедительно показывает, как такое разделение труда способствовало становлению глубочайших философских традиций. Как известно, ислам возник в патриархальной племенной среде, которая не способствовала становлению устойчивых рабовладельческих отношений. Поэтому не до конца было осуществлено и разделение умственного и физического труда, давшее импульс возникновению философии.

Примерно такие же социально-политические процессы были характерны и для славян, у которых патриархальные общинные отношения не давали стимула рабовладению, что также является одной из причин достаточно позднего приобщения их к философии.

В шестых, причина отсутствия в исламской культуре фундаментальных философских традиций заключается в характере проявления человеческой субъектности. Она может быть *личностной, коллективной и социальной*. Одна из основных причин неразвитости культуры философской аргументации в исламе заключается в том, что в ней значительно слабее, чем в других культурах и мировоззрениях, выражено личностное, субъектное начало. Здесь в большей степени доминирует коллективная субъектность, которая проявляется во многом: и в характере богослужения, особенно пятничного, и в технологии чтения зикров, и в поминальных обрядах, и т. д.

Переход от мифологии к философии и появление устойчивых философских традиций в культуре связаны с формированием личностного «Я»-мировоззрения. Как отмечал гениальный Мераб Мамардашвили, «нет и не может быть никакой коллективной философии, это глубоко личностное мировоззрение. Нет философии вообще, есть философия Платона, Канта. Гегеля, моя философия. Поэтому преподавание „усредненной“ философии вообще в формате коллективных учебников есть средство формирования догматического одномерного мышления, а потому должно быть запрещено» [24].

В-седьмых, серьезные причины, объясняющие отсутствие в современном исламе фундаментальной философской аргументации, связаны со всей европейской христианской культурой и философией, которые не могли допустить, чтобы на место религии, уже провозглашенной истинной, могла претендовать какая-то другая. Поэтому во всеобъемлющей историко-философской системе и в философии религии Гегеля вообще не нашлось места исламу.

В-восьмых, причина отсутствия в современном исламе устойчивых философских традиций заключена в недавнем атеистическом прошлом нашей страны, в запретительной стратегии в отношении всех религий, особенно ислама.

Названные выше и другие причины объясняют важность того, к чему был устремлен и что успел осуществить дагестанский ученый. Можно умозаключить, что главная историческая заслуга профессора Абдуллаева М. А. состоит в возрождении и внедрении прочных философских традиций в региональную духовность и культуру в целом.

О суфизме и тарикатизме

В данной статье мы попытались обосновать, что исламское мировоззрение, особенно в современной транскрипции, не столь философично. Исключением, пожалуй, является суфизм в целом и тот, который распространен в Дагестане и на Северном Кавказе, обладающий основательной философской аргументацией и традициями. Поэтому Магомед Абдуллаевич чаще всего обращается к символике и догматике суфизма [2–12].

Прежде всего представляет самостоятельный теоретический интерес сама проблема соотношения суфизма и тарикатизма. Когда оцениваешь религиозную ситуацию в Дагестане и деятельность муфтията, часто возникает вопрос: являются ли настоящими суфиями современные функционеры от ислама, так себя идентифицирующие. Не нужно серьезных изысканий, чтобы убедиться в том, что многин из них не соблюдают основные постулаты суфизма. Во-первых, полностью игнорируется принцип *квиелизма* – неучастия в общественно-политических процессах, без которого нет и не может быть суфизма. Иногда даже выдвигаются в кандидаты в президенты России. Во-вторых, полностью предан забвению аскетический, отшельнический и простой образ жизни суфия, постоянно обращающегося к Богу через всевозможные механизмы самоуглубления. Это ощущается во всем: в одежде, в жилище, в образе жизни. В-третьих, идет организационное строительство мусульманской уммы по традициям государственного устройства: с единоначалием, цензурой, идеологической монополией и с подчинением снизу до самого верха, нетерпимостью к инакомыслию.

М. А. Абдуллаев болезненно воспринимал эти и другие подобные процессы. Специалисты помнят активную дискуссию на данную тему, в которой принимал непосредственное участие ученый. Одни считали, что тарикат не имеет собственных кавказских корней и перенесен к нам из Турции и Средней Азии. Другие, говорили что тарикатизм является самостоятельным явлением, возникшим в своеобразных условиях Кавказа XIX в., основанным на газавате [27, с. 148]. Таким образом, как замечал

Магомед Абдуллаевич, отрицается генетическая связь тарикатского мюридизма с суфизмом, а последнему приписывается принцип газавата – священной войны. Согласно ученому, такого быть не могло, поскольку тарикатские мюриды были аскетами, мистиками, а потому не могли участвовать в газавате. Последний газават был знаменем национально-освободительной борьбы горских крестьянских масс, руководимых наместниками имамата наибями, которых по исламской традиции называли *мюридами*. В результате произошло недопустимое смешение двух субъектов горского менталитета – тарикатских и наибских мюридов [3, с. 82–90].

Абдуллаев убедительно показывает, что тарикатский мюридизм является региональной формой суфизма. Для доказательства этого он провел сравнительный анализ источников тарикатского мюридизма и суфизма и показал, что они базируются на одних и тех же принципах и имеют общие цели, заключающиеся в мистическом познании Аллаха, общении и духовном слиянии с Ним.

Согласно ученому, тарикат в силу установок квиетизма, принципиально не мог стать идеологией национально-освободительной борьбы горских народов, как считают многие аналитики. Он как историческая разновидность суфизма является не призывом к войне и насилию, а провозглашает отказ от активных общественно-политических действий и полное погружение в себя для концентрации внутренней энергии в направлении богопознания.

По мнению Абдуллаева М. А., роль тариката в освободительной борьбе против феодализма и царизма была несколько преувеличена. Да, действительно, это было характерно для первоначального этапа деятельности имамов Казимагомеда и Шамиля, отменивших многие феодальные повинности, освободивших крестьян от крепостной зависимости, поставивших во главе джамаатов представителей узденчества и провозгласивших равенство всех горцев. Но на более поздних этапах политика имамата оказалась подчиненной интересам феодальной знати.

Таким образом, по мнению ученого, в тот период в Дагестане сложилась достаточно неоднозначная и противоречивая ситуация, когда ислам и шариат одновременно служили идеологической и политико-правовой платформой противоборствующих социальных сил – феодальных и антифеодальных, сторонников и противников царской власти, знати и крестьянства.

Все звания и награды, которые свидетельствуют о научных достижениях и общественном признании Абдуллаева М. А., трудно перечислить. Он заслуженный деятель науки РФ и РД, почетный работник высшего профессионального образования РФ, дважды лауреат Государственной премии РД, обладатель многочисленных престижных общественных премий и конкурсов, действительный член Международной академии информатизации и президент ее дагестанского отделения, исполнительный директор Регионального общественного благотворительного фонда им. шейха Абдурахмана-хаджи ас-Сугури, главный редактор журнала «Научный мир» и информационного сборника «Наше культурное наследие».

М. А. Абдуллаев – автор более сорока монографий, десятков учебников и учебных пособий, которые неоднократно переиздавались, 260 статей в сборниках, журналах и средствах массовой информации. Он организовывал авторитетные научные и научно-практические конференции, редактировал множество сборников статей и выступлений. Длительное время руководил кафедрами философии в Дагестанском государственном университете, медицинском институте (ныне университете) и ДНЦ РАН РФ.

Не всегда идеи, озвученные ученым, находили поддержку у представителей властных структур и среди научных оппонентов (о перипетиях с его докторской диссертацией мы говорили выше). Многим его работам, в том числе монографическим, партийными и идеологическими инстанциями было отказано в публикации за

тенденциозное освещение и идеализацию патриархально-феодальных отношений и ислама. Особенно острой критике подвергались его работы по изучению творчества первого декана факультета восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета М. К. Казем-Бека, которые в духе советской идеологии были оценены как пропагандирующие монархические идеи. Потребовалось много усилий и нервов, чтобы доказать, что ученый всегда был патриотом ислама и Дагестана и одним из первых дал объективную оценку движению горцев в XIX в. и личности Шамиля.

История показала правоту Абдуллаева М. А., и современная научная общественность, и политики высоко оценили патриотическую позицию известного ученого. Доказательством тому было проведение 26–27 февраля 2019 г. на базе Дагестанского гуманитарного института совместно с Институтом востоковедения и СПбГУ авторитетной Международной научно-образовательной конференции «Казембековские чтения» в честь его 200-летия со дня рождения [21], а также издание в Баку сборника его избранных произведений. А в центре древнего Дербента находится переулок Мирзы Казем-Бека, где проходит популярная среди туристов Улица счастливых людей. И глубоко символично, что именно на этой улице установлен Памятник дружбы трех религий. А в перспективе здесь откроют модельную библиотеку, оснащенную передовой цифровой техникой и технологией, которая будет носить его имя.

Хотим обратить внимание на одну особенность работы на кафедре философии в непрофильном вузе. Известно, что работа в академической науке требует достаточно предметно-ограниченной специализации, где имеет место «узкое разделение труда», без чего невозможна профессиональная глубина дискурса. Как правило, адаптация таких исследователей к педагогической деятельности в непрофильных учебных заведениях в качестве преподавателей общеобразовательной дисциплины часто проходит достаточно трудно, поскольку эта деятельность требует известной универсальности и в течение одного-двух семестров необходимо охватить весь учебный курс. И наоборот, более успешна их преподавательская деятельность в специализированных и профильных учебных заведениях. К таким общеобразовательным и непрофильным предметам относятся все философские и социально-гуманитарные дисциплины.

Отмеченная специфика положения непрофильных предметов в учебных заведениях накладывает определенный отпечаток и на научное творчество ученых и педагогов, связанное прежде всего с широким диапазоном их научных увлечений. М. А. Абдуллаев здесь не был исключением; неслучайно в научных кругах его называли *энциклопедистом*. Он вел научные изыскания по многим направлениям философской науки: истории философии, истории философской мысли народов СССР и Дагестана, социальной философии, политологии, нациологии, теории и практике информатизации, философским вопросам медицины и биологии, биоэтике, религиоведению, исламоведению, культурологии, регионоведению и другим.

Вместо заключения

Да, Магомед Абдуллаевич завершил свой земной путь. Но в глобальном философском значении его существование в этом мире продолжается, поскольку живут его книги, статьи, идеи, ученики. Наконец, есть память человеческая, которая гарантирует человеку бессмертие. Как философ, сам Абдуллаев много раз высказывался об этом. Известно, что существует огромное количество символов бессмертия и посмертного существования: научных и паранаучных, религиозных и светских и т. д.

Можно по-разному относиться к ним, особенно к концептам религиозного бессмертия и загробной жизни, но очевидно одно: все едины в признании творческого бессмертия человека, которое выступает сильнейшим мотиватором его

жизнедеятельности. Данное утверждение было основательно разработано философами, поэтами и публицистами. Достаточно вспомнить «Памятник» Г. Р. Державина и знаменитое пушкинское «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», а также философию Л. Фейербаха [28, с. 371–396]. Достижение вечности в делах, поступках, творениях, памяти поколений – это действительный смысл бытия человека и лейтмотив всех его жизненных устремлений.

Магомед Абдуллаевич первым в республике и на всем Северном Кавказе защитил докторскую диссертацию. Им создана плодотворно действующая научная школа, формирующая современный региональный и республиканский духовный и культурный ландшафт. Об этом свидетельствуют более тридцати кандидатских и около десятка докторских диссертаций, защищенных его учениками. Во многих вузах и исследовательских центрах Дагестана, Северного Кавказа и всей страны работает немало известных исследователей по философии, политологии, националогии, религиоведению, исламоведению, которые считают Абдуллаева М. А. своим наставником и с благодарностью вспоминают о той роли, которую он сыграл в их жизни и научно-педагогической карьере. А это означает, что дело, его живет и творческое бессмертие ему обеспечено.

Литература

1. Абдулкадыров, Ю. Н. Подлинный патриот Дагестана и России / Ю. Н. Абдулкадыров, Н. Н. Гасанов // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. – С. 359–364.
2. Абдуллаев, М. А. Мыслители Дагестана XIX и нач. XX веков / М. А. Абдуллаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. – 267 с.
3. Абдуллаев, М. А. Важный источник средневекового суфизма / М. А. Абдуллаев // Вопросы философии. 1987. № 7. – С. 82–90.
4. Абдуллаев, М. А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX веке / М. А. Абдуллаев. – М.: Наука, 1968.
5. Абдуллаев, М. А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана (с древнейших времен до присоединения к России) / М. А. Абдуллаев. – Махачкала: Наука, 1993.
6. Абдуллаев, М. А. Мухаммад из Кудутля и его школа. Из культурно-философского наследия Дагестана. Ч. I / М. А. Абдуллаев. – Махачкала: Юпитер, 1994. – 180 с.
7. Абдуллаев, М. А. Актуальные проблемы философской науки: сб. статей. Ч. 1 / М. А. Абдуллаев. – Махачкала: Эпоха, 1999. – 320 с.
8. Абдуллаев, М. А. Средневековая арабо-мусульманская культура и ее влияние на современный Дагестан / М. А. Абдуллаев. – Махачкала: Эпоха, 2007. – 316 с.
9. Абдуллаев, М. А. Суфизм и его разновидности на северо-восточном Кавказе / М. А. Абдуллаев. – Махачкала: Новый день, 2000.
10. Абдуллаев, М. А. Суфизм и его разновидности на северо-восточном Кавказе. 2-е изд., доп. / М. А. Абдуллаев. – Махачкала: Новый день, 2004.
11. Абдуллаев М. А. Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-хаджи и его родословная / М. А. Абдуллаев. – Махачкала, 2001.
12. Абдуллаев, М. А. Мыслители Дагестана / М. А. Абдуллаев. – Махачкала, 2007.
13. Алексеев, П. В. Философы России XIX–XX столетий / П. В. Алексеев. – М.: Академический Проект, 2002. – 1152 с.
14. Алексеев, П. В. Философы России начала XXI столетия. Биографии, идеи, труды. Энциклопедический словарь / П. В. Алексеев. – М.: РОССПЭН, 2009. – 695 с.

15. Алиев, А. К. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной педагогической и общественной деятельности М. А. Абдуллаева: сб. статей / А. К. Алиев, Т. Э. Кафаров. – Махачкала: Эпоха, 2010. – 220 с.
16. Бартольд В. В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. – С. 630 (Электронная библиотека МСА). – URL: <https://web.archive.org/web/20200119191922/http://www.librams.ru/serie-859> (дата обращения: 16.08.2024).
17. Вагабов, М. В. Ислам в модернизирующемся мире / М. В. Вагабов, Н. М. Вагабов. – Махачкала: Лотос, 2011. – 720 с.
18. Власов, В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. / В. Г. Власов. – СПб: Азбука-Классика, 2004. Т. 1.
19. Гамзатов, Г. Книга о серьезных проблемах / Г. Гамзатов // Дагестанская правда. № 32, 9 апреля 1988 г.
20. Гасанов, Н. Н. Ученый, педагог, человек / Н. Н. Гасанов // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 6. – С. 195–205.
21. Казембековские чтения: материалы Междунар. научно-образ. конф. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г. / отв. ред. А. М. Абдулатипова; ДГИ; СПбГУ. – Махачкала: Даг. гуманитар. ин-т, 2019. – 321 с.
22. Казиев, Н. Э. Проблема национальных отношений в трудах М. А. Абдуллаева / Н. Э. Казиев, Н. Н. Гасанов, М. Д. Магаррамов // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 5. – С. 152–163.
23. Кафаров, Т. Э. Магомед Абдуллаев: ученый, мыслитель, педагог / Т. Э. Кафаров, Н. Н. Гасанов, А. А. Рагимов. – Махачкала: Дагкнигоиздат., 2023. – 296 с.
24. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М.: Прогресс-Культура, 1992.
25. Можаровский, В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики / В. В. Можаровский. – СПб: ОВИЗО, 2002. – 271 с.
26. Ракитянский, Н. М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии / Н. М. Ракитянский // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2012. № 5. – С. 53–70.
27. Смирнов, Н. А. Мюридизм на Кавказе / Н. А. Смирнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 243 с.
28. Фейербах, Л. Мысли о смерти и бессмертии / Л. Фейербах // Избранные философские произведения: в 2 т. – М.: Изд-во политической литературы, 1955. Т. 1. – С. 371–396.

References

1. Abdulkadyrov, Yu. N. A True Patriot of Dagestan and Russia / Yu. N. Abdulkadyrov, N. N. Gasanov. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2017, no. 1, pp. 359–364. (in Russian)
2. Abdullaev, M. A. *Thinkers of Dagestan of the 19th and early 20th Centuries* / M. A. Abdullaev. –Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1963. –267 p. (in Russian)
3. Abdullaev, M. A. An Important Source of Medieval Sufism / M. A. Abdullaev. *Questions of Philosophy*. 1987, no. 7. – Pp. 82–90. (in Russian)
4. Abdullaev, M. A. *From the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of Dagestan in the 19th century* / M. A. Abdullaev. – Moscow: Nauka, 1968. (in Russian)
5. Abdullaev, M. A. *From the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of Dagestan (from ancient times to joining Russia)* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala: Nauka, 1993.

6. Abdullaev, M. A. *Muhammad from Kudutl and his school. From the cultural and philosophical heritage of Dagestan. Part I* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala: Jupiter, 1994. – 180 p. (in Russian)
7. Abdullaev, M. A. *Actual problems of philosophical science: collection of articles. Part I* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala: Epokha, 1999. – 320 p. (in Russian)
8. Abdullaev, M. A. *Medieval Arab-Muslim culture and its influence on modern Dagestan* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala: Epokha, 2007. – 316 p. (in Russian)
9. Abdullaev, M. A. *Sufism and its varieties in the north-eastern Caucasus* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala: Novy Den, 2000. (in Russian)
10. Abdullaev, M. A. *Sufism and its varieties in the north-eastern Caucasus. 2nd ed., suppl.* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala: Novy Den, 2004. (in Russian)
11. Abdullaev M. A. *Activities and views of Sheikh Abdurrahman-Khadji and his genealogy* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala, 2001. (in Russian)
12. Abdullaev, M. A. *Thinkers of Dagestan* / M. A. Abdullaev. – Makhachkala, 2007. (in Russian)
13. Alekseev, P. V. *Philosophers of Russia in the 19th–20th centuries* / P. V. Alekseev. – Moscow: Academic Project, 2002. – 1152 p. (in Russian)
14. Alekseev, P. V. *Philosophers of Russia at the beginning of the 21st century. Biographies, ideas, works. Encyclopedic dictionary* / P. V. Alekseev. – Moscow: ROSSPEN, 2009. – 695 p. (in Russian)
15. Aliev, A. K. *On the 80th anniversary of his birth and the 60th anniversary of his scientific, pedagogical and social activities: M. A. Abdullaev: collection of articles* / A. K. Aliev, T. E. Kafarov. – Makhachkala: Epokha, 2010. 220 p. (in Russian)
16. Bartold V. V. *Collected works: in 10 volumes. Vol. 6.* – P. 630 (MSA Electronic Library). – URL: <https://web.archive.org/web/20200119191922/http://www.librams.ru/serie-859> (accessed: 16.08.2024). (in Russian)
17. Vagabov, M. V. *Islam in the modernizing world* / M. V. Vagabov, N. M. Vagabov. – Makhachkala: Lotos, 2011. – 720 p.
18. Vlasov, V. G. *New encyclopedic dictionary of fine arts: in 10 volumes* / V. G. Vlasov. – St. Petersburg. Azbuka-Classik, 2004. Vol. 1. (in Russian)
19. Gamzatov, G. *Book on serious problems* / G. Gamzatov // Dagestanskaya Pravda. No. 32, April 9, 1988. (in Russian)
20. Gasanov, N. N. Scientist, teacher, man / N. N. Gasanov. *Social and humanitarian knowledge*. 2011, no. 6, pp. 195–205. (in Russian)
21. *Kazembekov readings: materials of the Intern. scientific and educational conf. Makhachkala, February 26–27, 2019* / ed. A. M. Abdulatipova; DGI; SPbGU. – Makhachkala: Dag. humanitarian. in-t, 2019. – 321 p. (in Russian)
22. Kaziyev, N. E. The problem of national relations in the works of M. A. Abdullaev / N. E. Kaziyev, N. N. Gasanov, M. D. Magarramov. *Social and humanitarian knowledge*. 2015. no. 5, pp. 152–163. (in Russian)
23. Kafarov, T. E. *Magomed Abdullaev: scientist, thinker, teacher* / T. E. Kafarov, N. N. Gasanov, A. A. Ragimov. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 2023. 296 p. (in Russian)
24. Mamardashvili, M. *How I understand philosophy* / M. Mamardashvili. – Moscow: Progress-Culture, 1992. (in Russian)
25. Mozharovsky, V. V. *Critique of dogmatic thinking and analysis of religious-mental foundations of politics* / V. V. Mozharovsky. – St. Petersburg: OVIZO, 2002. 271 p. (in Russian)
26. Rakityansky, N. M. Experience of conceptual analysis of Islamic mentality in the context of political psychology / N. M. Rakityansky. *Bulletin of Moscow University. Series. 12: Political sciences*. 2012, no. 5, pp. 53–70. (in Russian)

27. Smirnov, N. A. *Muridism in the Caucasus* / N. A. Smirnov. – Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. 243 p. (in Russian)

28. Feuerbach, L. *Thoughts on death and immortality* / L. Feuerbach // *Selected philosophical works: in 2 volumes.* – Moscow: Publishing house of political literature, 1955. Vol. 1, pp. 371–396. (in Russian)